

БЛИЗКИЕ, ДАЛЕКИЕ: ДАВИД БУРЛЮК И А. ВЕТЛУГИН

И. З. Белобровцева
(Таллинн)

Заглавие статьи представляет собой парафраз названия книги мемуаров Андрея Седых, журналиста, прозаика, многолетнего главного редактора нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Объясняя название «Далекие, близкие», Седых писал: «Книга эта родилась из отдельных очерков, написанных в разное время о разных людях, с которыми сводила меня судьба. Отношения складывались не всегда одинаково: одних я просто знал, с другими дружил, – были они людьми близкими. Многие, к несчастью, теперь далеки... Отсюда и название книги» (Седых 1979: 5).

Авторское объяснение можно истолковать не как разную степень близости, дружбы, привязанности с тем или иным объектом мемуаров, но, скорее, как развертывание их отношений во времени, отсюда и значение определения «далекие» – это не взаимное охлаждение, но «летейская стужа», «поля елисейские», предел разобщения и разлуки.

В нашем случае речь пойдет о двух представителях первой волны эмиграции, сама судьба которых, несмотря на существенную разницу в возрасте, обнаруживает немало моментов сходства. Прежде всего, это сама история их появления в США. Давид Бурлюк (1882–1967), начав свой эмигрантский путь в европейской части Советской России в 1918 г., временно, в течение двух лет, жил и работал в Японии и, лишь обеспечив переезд семьи в США, поселился там с 1922 г. Владимир Рындзюн, известный в русской литературе под псевдонимом А. Ветлугин, эмигрировал в июне 1920 г. в Константинополь, затем переехал в Париж, а весной 1922 г. – в Берлин.

В начале 1930-х гг. А. Н. Толстой, которого связывали с А. Ветлугиным творческие и просто человеческие отношения, работал

над романом «Черное золото» (журнальный вариант названия) / «Эмигранты» (заглавие отдельной книги), где в прототипе персонажа по имени Владимир Лисовский легко угадывался А. Ветлугин. Осведомленный о судьбе А. Ветлугина, Толстой как бы прозорливо прочерчивает будущую связь Лисовского с США: «В конце концов ему было наплевать на белых и на красных, на политику, журналистику, на Россию и всю Европу. Все это он равнодушно презирал как обнищавшие задворки единственного хозяина мира – Америки...» (Толстой 1958: 288).

Осень 1922 г. становится поворотным моментом в биографии обоих, и Бурлюка, и Ветлугина. После 2 недель плавания на пароходе “Empress of Russia” первого (по Д. Д. Бурлюку) или второго сентября (по М. Н. Бурлюк) Бурлюки высадились в Нью-Йорке.

Месяц спустя, 1 октября 1922 г. (на этот раз дата точная), на пароходе “Paris” в Нью-Йорк прибыли Сергей Есенин, Айседора Дункан и сопровождавший их в качестве переводчика А. Ветлугин. В Certificate of Arrival от 15 октября 1923 г., когда он возвращается из трехмесячной поездки в Европу от газеты «Русский Голос» (см. об этом ниже), его имя и фамилия пишутся тремя разными способами: Voldemar Ryndzune, Voldemar R. Vetluguin и подпись – Voldemar Ryndzune Vetluguin.

С этого момента между Бурлюком и Ветлугиным протягивается связующая нить по крайней мере на четыре года.

С 22 марта 1923 г. Бурлюк начинает работать в газете «Русский Голос»¹. «Русский Голос» (Russian voice; далее РГ) в подзаголовке названия позиционирует себя как «самую большую и распространенную в Соед. Штатах и Канаде ежедневную кооперативную газету» Нью-Йорка, ежедневный номер которой насчитывает 6, а воскресный – 16 страниц (Русский Голос. 1923. № 2826. 18 октября. С. 1). Объявление о начале сотрудничества с Бурлюком публикуется в номере газеты от 13 марта: «Редакцией “Русского Голоса” приглашен в качестве постоянного сотрудника

---

¹ См.: Дневник Д. Д. Бурлюка за 1932 г. Запись от 18.06.1932. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 4. Ед. хр. 3. Л. 113.

известный поэт-художник Д. Д. Бурлюк (отец русского футуризма). Начиная с этой недели на страницах “Русского Голоса” будут регулярно помещаться его статьи, фельетоны, стихи. Д. Д. Бурлюк будет помещать свои произведения на русском языке исключительно в “Русском Голосе”. Следите за “Русским Голосом”» (Русский Голос. 1923. № 2108. 13 марта. С. 1).

В следующем же номере от 14 марта (№ 2109) публикуется стихотворение Бурлюка «Рифмы о бесправии и свободе»; в номере от 15 марта (№ 2110) – статьи «Поэзия и проза за пять лет революции» и «Русский язык за границей в годы революции»; 20 марта (№ 2115) газета расширяет полномочия Бурлюка, публикуя анонс «Литературного четверга»: «Целая страница, посвященная литературе и искусству будет печататься в “РГ” еженедельно по четвергам под редакцией русского поэта и художника Давида Бурлюка» (Русский Голос. 1923. № 2115. 20 марта. С. 1). И спустя два дня первый «Литературный четверг» предстает перед читателями РГ (см.: РГ. 1923. № 2117. 22 марта. С. 2). В нем опубликованы стихотворения Бурлюка «Блондинки, будьте осторожны!» и «Владимир Маяковский». Именно к этому времени относится письмо Бурлюка: «Газета здесь есть <...> – с трудом (бесплатно) начинаю туда пролазить» (цит. по: Деменок 2020: 331). И в том же году, уже после упомянутой выше поездки в Европу, в РГ начинает работать А. Ветлугин².

По всей вероятности, свою роль в его приглашении к сотрудничеству сыграл Бурлюк, который в автобиографии писал: «В 1915 году умер мой отец. В этом году мы владели маленьким старинным имением Михалево около станции Пушкино. Здесь у меня В. Хлебников, который с 1918 года жил у меня годами. Познакомился с А. Ветлугиным» (Бурлюк 1924: 44).

Не до конца понятно, когда именно могло состояться знакомство – в 1915 г. или в 1918 г., но в любом случае есть в утверждении Бурлюка неточность: в ту пору никакой А. Ветлугин еще не

---

² Об американской карьере А. Ветлугина / Voldemar Vetlugin см.: Устинов 2016: 224–239.

существовал, этот псевдоним В. И. Рындзюн взял в 1919 г., работая в ростовской газете «Жизнь». Между тем в биографии Бурлюка действительно был знакомец и даже больше – друг юности – Ветлугин: так, во время гастролей по Уралу он в Нижнем Тагиле «дружески встречается с уездным комиссаром – адвокатом Михаилом Николаевичем Ветлугиным – другом юношества – и заводской публикой, приветствовавшей Поэта в театре, на лекциях» (Антипина, Подлубнова 2019: 8).

Подобное «переключение» или укрупнение собственной личности за счет знакомств с известными людьми чрезвычайно характерно для Бурлюка – так, по словам мемуариста Н. Хлестова, в интервью, опубликованном газетой «Московский комсомолец» во время приезда Д. Д. и М. Н. Бурлюков в Москву в 1965 г., «со слов М. Н. Бурлюк сообщалось, будто в 1911 году Д. Бурлюк привел к себе домой изможденного, оборванного, с большими руками юношу Маяковского и будто бы Бурлюки его усыновили и он прожил у них четыре года» (Хлестов 1968: 102). Мемуарист, в эти годы снимавший комнату у матери Маяковского, в которой вместе с ним жил и будущий поэт, заключает: «Мне неизвестно, для чего сочинили эту неправдоподобную историю» (Там же).

Утверждение Бурлюка о собственной причастности к становлению как поэтов Хлебникова, Маяковского и Каменского, в отличие от предыдущей фантазии, вполне правомерно, однако встает в тот же ряд «укрупняющих» обстоятельств. В последний день пребывания в Москве в августе 1965 г. Д. Д. Бурлюк на завтрак с друзьями в ресторане «Националь», подумав, по словам мемуариста Леонарда Гендлина, произносит тост: «Я верю, что мои писания когда-нибудь увидят свет в России. Недаром я был первым поклонником, другом и издателем Велемира Хлебникова; на мне горят и будут гореть лучи славы его, и Володи Маяковского, и Васи Каменского, – трех бардов, скакунов поэзии Парнаса Российского» (Гендлин 1986: 222). Этот красивый экспромт далек от импровизации – Бурлюк почти дословно повторяет свою запись в дневнике, хранящемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки: «недаром я был дружен, был первым

поклонником, издателем и переписчиком Велемира Хлебникова; на мне горят и будут гореть лучи славы его и Маяковского, и Каменского, трех бардов, скакунов поэзии<,> бардой <sic!> Парнаса российского выкормленных»³.

Нельзя не согласиться с Е. Деменком: «...излюбленная Давидом Давидовичем самореклама оказалась в Америке удивительно к месту. Он просто превзошел самого себя, пользуясь тем, что американцы были совершенно не осведомлены о том, что на самом деле происходило в России. <...> В предисловии к книге “Бурлюк пожимает руку Вульворт-Бильдингу” он писал о себе так: “Всемирно известный поэт, оратор, футурист, презентёр, классик, художник пейзажей, портретов и декоратор. Художник-гений современности”. <...> “Давид Бурлюк – гений, Давид Бурлюк – великий, мастер в каждом виде живописи”» (Деменок 2000: 267).

Эта характерная особенность Бурлюка должна была импонировать А. Ветлугину, который тоже не чурался мистификаций: так, например, до сих пор в справочной литературе нередко указывается, что он окончил юридический факультет Московского университета, хотя здесь же сообщается о его учебе на историко-филологическом и медицинском факультетах. Однако В. И. Рындзюн учебу в университете так и не окончил, хотя называл себя «кандидатом прав». А. Н. Толстой, избрав А. Ветлугина в качестве прототипа в статье «О Париже», создает бурлескный портрет писателя-эмигранта, акцентируя именно виртуозность его мистификаций:

Я знавал одного молодого человека. <...> Душа его была разъедена. В Париже он сделался писателем. Ему было наплевать на все, – с почтительной иронией он говорил только о деньгах. Денег у него не было. От скуки и омерзения он устроил «театр для себя», – то есть сидя в редакции «Общего дела» сочинял головокружительную, невероятную информацию, – телеграммы с мест, из России. Он стирал с лица земли целые губернии, поднимал восстания, сжигал города, писал некрологи. Бурцев печатал всю эту чушь. Затем

---

³ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 17–18.

молодой человек ходил по знакомым и наслаждался своей работой. Эмигрантский Париж ежедневно потрясался до самых основ чудовищной фантазией веселого молодого человека (Толстой 1961: 49–50).

Поэтому не вызывает удивления факт совместных выступлений Бурлюка и Ветлугина. 22 ноября 1923 г. РГ объявил, что «<...> многочисленные письма и запросы выявили необходимость устройства для нью-йоркской русской колонии литературных воскресников, которые бы дали возможность сообщать русской колонии в живой и доступной форме о новом быте России, о жизни Европы, прочитывать новое и лучшее из русской и европейской литературы», положив таким образом начало воскресному «Литературному утру», которое Бурлюк и Ветлугин начинают вести вдвоем 2 декабря 1923 г. В воскресенье, 2 декабря «Давид Бурлюк и А. Ветлугин (недавно вернувшийся из трехмесячной поездки по Европе) в 1 час 45 минут дня выступят в зале о-ва “Просвещение” (Секонд ав. 9). А. Ветлугин прочтет доклад “Пожар в сумасшедшем доме” (впечатления от поездки по Англии, Италии, Германии, Франции и т. д.), последние стихи русских поэтов, новости мировой литературы и т. д.

Давид Бурлюк прочтет последние неизданные стихи Владимира Маяковского и выскажется на тему “Америка и Россия” (Америка в новейшей русской литературе). Вслед за этим состоится разговор с публикой, обмен мнений и т. д. Вход 35 центов». (Русский Голос. 1923. № 2857. 22 ноября. С. 4). Объявление было повторено 25 и 29 ноября 1923 г.

Начало работы А. Ветлугина в РГ можно отсчитывать от публикации его статьи «По умирающей Европе» (см.: Русский Голос. 1923. № 2828. 20 октября. С. 2), ее продолжение последовало через номер, 22 октября, и с этого дня его материалы появляются в газете практически ежедневно, возможно, именно такая частотность выступлений приводит к появлению в РГ рубрики «День за днем», которую А. Ветлугин ведет в течение 1924 и 1925 гг. Рассмотрение и оценка этих статей во всем многообразии их тематики и персонажей заслуживает отдельной работы, задача же настоящей статьи – продемонстрировать сотрудничество и взаимоотношения в США

двух русских эмигрантов первой волны. То, что писал исследователь о А. Ветлугине, в полной мере применимо и к Д. Д. Бурлюку: «Он оказался в Америке гораздо раньше своих современников-эмигрантов, в особенности коллег по журналистскому цеху, которые переместились за океан после Второй мировой войны. Здесь он выступил в роли “пионера”, первопроходца, который буквально подчинил себе читателей газеты “Русский голос»» (Устинов 2016: 235).

Бурлюк и Ветлугин обмениваются комплиментами в печати: художник цитирует своего коллегу-писателя, добавляя: «по выражению острейшего А. Ветлугина», говорит о его «талантливом пере»; Ветлугин откликается на все события, связанные с деятельностью Бурлюка-художника, и можно лишь посетовать на его жалостливый тон в одном из писем Э. Поллаку: «Последние 8 лет всё мной написанное было продано! Мои покупатели американцы; они по-русски не читают. <...> На моих выставках никогда не было ни одного читателя Р<усского> Г<олоса> или члена ред<акции> или конторы газеты, или членов раб<очих> обществ, ибо они мной не интересуются и меня не признают; другие же русск<ие> “газеты” и их “читатели” – меня просто ненавидят» (цит. по: Деменок 2020: 288). Между тем, начав регулярно печататься в РГ с октября 1923 г., Ветлугин уже 2 февраля 1924 г. публикует статью «25 лет таланта и упорства» (см.: Русский Голос. 1924. № 2933. 2 февраля. С. 2), отмечая 25 лет бунтарской деятельности Давида Бурлюка. По всей видимости, Ветлугину принадлежит и статья-объявление на 1-й странице РГ от 4 февраля 1924 г. – «25-летний юбилей отца российского футуризма прошел с колоссальным успехом», он же в своей колонке от 8 марта пересказывает мнение о Бурлюке «Крисчена Бринтона» (так в его огласовке звучит имя известного художественного критика Кристиана Бринтона).

Ему принадлежит и статья в каталоге второй персональной выставки Бурлюка в галерее “J. V. Neumann’s Print Room”, продлившейся с 27 декабря 1924 г. по 13 января 1925 г. В своем личном архиве Бурлюк сохранил вырезку «На выставке Д. Д. Бурлюка» – ежедневную колонку А. Ветлугина «День за днем» из РГ, посвященную открытию этой выставки. Ветлугин тщательно лепит в

статье образ Бурлюка, с одной стороны, яркого, провокативного, переступающего любые отводимые искусству рамки:

Давид Давидович Бурлюк еще раз демонстрирует перед американцами возможности своей гигантской фантазии.

Снова, как и в прошлом году (как, вероятно, будет и в будущем) молоденькие барышни вооружаются лорнетками и с почтительным ужасом спрашивают: «А что же это такое?» И снова человек ангельского терпения – Бурлюк кротко объясняет, поясняет, разжевывает и вкладывает в рот. «Авось и сами проглотят»... А если не проглотят, тогда... В конце концов:

Природа знать не знает о былом
Ей чужды наши призрачные годы...

Не проглотят сегодня, проглотят через 25 лет. Столетия в жизни человека – только миг в жизни искусства и природы⁴.

С другой стороны, чтобы представить Бурлюка как человека, авторитетного в художественных кругах Соединенных Штатов, Ветлугин щедро насыщает статью похвалами Бурлюку от известных деятелей американского искусства:

Знаменитый американский художник Роберт Астор Чанлер пишет о Бурлюке: «Он идет вокруг света, от русского царя до японского Микадо, от пустынных тихоокеанских островов до Нью Йорка, он несет с собой свои цветные жилеты, свое мужество, свой многоцветный талант... Выше, выше знамя... Он пишет стихи о своих картинах, и публика понимает его стихи еще меньше, чем его картины, потому что и в стихах его, и в картинах его тот последний анализ жизни, который легче всего не понять, которому труднее всего отказать в важности значения...».

Мне повезло. Бурлюк рассказал мне философию его жизни и философию его картин. Для меня это было откровением⁵.

---

⁴ А. Ветлугин. На выставке Д. Д. Бурлюка. – Дневник Д. Д. Бурлюка. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 264.

⁵ Там же.

Ветлугин продуманно выбирает из высказываний о Бурлюке те, что могут приумножить его достоинства для зрителей и, возможно, будущих покупателей. Так, цитируя «председательницу “Анонимного” общества американских художников Катерину Драйер» (и здесь он замечательно угадывает с выбором автора – в будущем, в 1944 г., Катарина Дрейер, американская художница, лектор, меценат, станет автором первой монографии о Бурлюке; см.: Dreier 1944), он выбирает два момента: во-первых, «зоркий глаз, всевидящий глаз. Такой зоркий глаз, что на что он ни посмотрит, все приобретает новый смысл и новую окраску» (Ветлугин, кажется, не ощущает каламбурного характера характеристики – у Бурлюка, действительно, видел только один глаз) и, во-вторых, функциональную характеристику его творчества: «Подобно остальным большим настоящим пришедшим из России, Бурлюк – живой мост между искусством Запада и искусством Востока <ошибочно – Бостона. – И. Б.>. И только тот, кто чувствует и Восток, и Запад, может оценить Бурлюка».

И, наконец, в завершение статьи – пожелание, «чтобы голос его первых поклонников был услышан всей Америкой и чтобы на его картины не только смотрели, но и покупали бы их. Презренный металл не лишняя вещь даже для художников»⁶. Единственным диссонансом, вкравшимся в этот панегирик, предстает фраза, открывающая последний абзац статьи: «Все это очень почтенно и очень радостно»⁷, – если радость по поводу достижений Бурлюка не вызывает сомнений, то «почтенность» как характерная черта выставки отца-футуриста, родоначальника, как представлял себя Бурлюк, кубофутуризма во Франции и Японии, – явное противоречие в терминах.

Можно предположить, что А. Ветлугину было известно желание Бурлюка быть не просто прославленным футуристом, но получить определенное официальное признание своих заслуг. В эксплицированной форме это нашло отражение в книге

---

⁶ Там же.

⁷ Там же.

«Энтелехизм», изданной под именем Бурлюка в 1930 г., где перечислено то необходимое, что должно быть предпринято для увековечения футуризма: «Теперь к 20 летию футуризма необходимо требовать постановки памятника в бронзе – зачинателям “Первого искусства Революции Пролетарской”<.> Основания музея пролетар-футуризма в Сов. Союзе. Правильной оценки всего движения» (Бурлюк 1930: 3). Это требование безусловно противоречило ироничному заявлению Маяковского в стихотворении «Юбилейное»:

Мне бы
    памятник при жизни
        полагается по чину.
Заложил бы
    динамиту
        – ну-ка,
                дрызнь!
Ненавижу
    всяческую мертвечину!
Обожаю
    всяческую жизнь!

(Маяковский 1957: 56)

В 1929 г., когда Бурлюк требует памятник в бронзе, Маяковский жив, но опубликовано «требование» за подписями только В. Каменского и Д. Бурлюка.

Ко второй персональной выставке Бурлюка был выпущен каталог со статьями о нем К. Дрейер, Р. У. Чанлера, Ив. Народного, Л. Лозовика, А. Ветлугина и Б. Григорьева. Как пишет исследователь, «<...> все они хорошо знали Бурлюка и его творчество и сами были достаточно известны в художественных кругах Нью-Йорка» (Деменок 2020: 273).

Статья «А. Ветлугин о Бурлюке» в этом каталоге еще более комплиментарна, чем опубликованная в РГ. Бурлюк предстает здесь в ипостаси вечно ищущего бунтаря от искусства, основоположника, родоначальника нового движения в искусстве и России, и Америки:

Москвичи бы никогда не поверили. Бурлюк? Юная душа. Молодой из молодых. Всегда в авангарде. Всегда готовый отречься от прошедшего момента и принять грядущее⁸. <...>

Бурлюк начинатель „Бубнового Валета“. Бурлюк – ночной кошмар великолепного жандарма искусства А. Н. Бенуа. Бурлюк – возмутитель сонного царства Политехнического Московского Музея.

И вот этот самый Бурлюк – 25 ление... (Ветлугин 1924: 25)

С одной стороны, Ветлугин говорит о месте юбиляра в российской литературе, где

<...> хаотический бунтарь непоседа Бурлюк проявил чисто немецкое упорство в борьбе с косностью. Многое из того, за что он боролся, стало уже прописью. Но ему принадлежит честь почина. Когда Бурлюк начинал «деятельность», Брюсов почитался «революционером» в поэзии, а к картинам Врубеля не знали даже с какого бока подходить и укоризненно трясли головами: «Черт знает, что такое... Декадентщина». Думаю о Бурлюке. Забавно и высоко-поучительно: на левом фронте искусства он повторил историю левого фронта народничества.

Пошел в народ. Да ведь в какой еще «народ». В среду русского чугунного мещанства, в Россию коричневую, времен все задушившей реакции. <...>

Жандармы от искусства похуже, потуже, пожестче жандармов от политики.

На Бурлюка вопили. Не пуцали, в участок дурного вкуса тащили.

---

⁸ Этот в высшей степени хвалебный отзыв, особенно учитывая характерный для времени появления статьи укрепившийся в американском обществе культ молодости (обильно цитируемое высказывание авторитетного американского дизайнера и кинорежиссера Тома Форда “I am tired of the cult of youth” появилось почти столетие спустя, в 2010 г.), подтверждает предположение Е. Д. Толстой о том, что ирония посвященной приезду в США Маяковского статьи А. Ветлугина в серии РГ «Моя коллекция» отчасти задевала и Д. Д. Бурлюка: «Узнал, что В. В. Маяковский разочарован в американцах, хотя самый 100-процентный американец, с которым он столкнулся, был *молодой футурист*, прибывший в Америку два года назад...» (цит. по: Толстая 2006: 541; курсив наш).

Бурлюк не унывал. На брань отвечал бранью, за словом в карман не лез. А главное: отвечал работой, создал новый большой стиль в живописи (Ветлугин 1924: 25).

Вторая часть статьи выстроена на американском материале: «Бурлюк в Америке. Неслыханно» (Ветлугин 1924: 25). Сюда Ветлугин также привносит непрменный элемент рекламы, которой всерьез займется позже и даже увековечит свое имя на поле американских глянцевого журналов, предложив вместо постных рисунков помещать на обложке фотографии красивых (и обязательно молодых) американских девушек и женщин – cover girls, что будет упомянуто в каждом его англоязычном некрологе. «Это не человек, а олицетворенная сенсация (“фичюр”», – сказал о нем редактор большой американской газеты. Для русского читателя газеты имя редактора и название издания избыточны, важны должность и ее масштаб – «большая газета» (Ветлугин 1924: 25).

И еще одна характерная особенность этой статьи – яркие личностные реакции автора на творчество, манеру поведения, внешний вид своего героя:

Умирать буду, не забуду. На страшном суде вспомню, засмеюсь. Вечер в доме миллионерши и покровительницы искусства миссис Гарриман-Ромзей⁹. Толпы людей во фраках и бальных туалетах. Что ни имя – то общемировая известность. Появляется Бурлюк. В чёрном сюртуке, в золотом жилете нечеловеческой красоты. И начинается давка. Щупают жилет, осматривают серьгу. Расступаются, чтоб пропустить посмотреть какую-то почти задавленную старуху.

Неслыханно.

А Бурлюк контрабандой под прикрытием жилета проповедовал новое искусство (Ветлугин 1924: 26).

---

⁹ Mary Harriman Rumsey (Мэри Гарриман-Рамси; 1889–1934) – общественная деятельница, создательница одной из самых известных в истории благотворительных организаций, действующих по сей день.

Наконец, последний абзац – констатация нетленной значимости взглядов и творчества Бурлюка, вновь поданная как феномен личной заинтересованности, личного, и отличного, знания предмета, личного участия в знаменательном событии: «Слушали и мотали на ус. Через неделю в разговоре со многими из присутствовавших я услышал такие речи об искусстве, в происхождении которых не усомнился» (Ветлугин 1924: 25–26).

Продолжая рассказ об авторах статей, вошедших в каталог второй выставки Бурлюка, исследователь отмечает: «Давид Бурлюк не остался в долгу. Помимо многочисленных публикаций о своих друзьях в “Русском Голосе”, он в 1928 году выпустил книгу “Русское искусство в Америке. Материалы по истории русского искусства 1917–1928”» (Деменок 2020: 273).

Это утверждение, справедливое в отношении остальных авторов, не находит подтверждения в случае А. Ветлугина. Скорее, есть основания считать, что Бурлюк видел его растущую популярность как среди читателей, так и среди журналистов, видел и завидовал ему. Ветлугин обладал острым аналитическим умом, у него за плечами был ценный опыт работы в периодике русской эмиграции в самом начале 1920-х гг., не говоря уже о сотрудничестве с российскими органами печати разных направлений: в первые послереволюционные годы – с анархистской газетой «Жизнь» (Москва), во время Гражданской войны – с одноименной газетой в Ростове-на-Дону; его яркий талант публициста проявился в книгах о Гражданской войне («Герои и воображаемые портреты», Берлин, 1922; «Авантюристы гражданской войны», Париж, 1921; «Последыши», Берлин, 1922; «Третья Россия», Париж, 1922). По убеждению Е. Д. Толстой, после ухода Ветлугина из РГ Бурлюк станет в газете «центральной фигурой, ориентируясь в своих фельетонах на стиль бывшего коллеги» (Толстая 2006: 542)¹⁰.

---

¹⁰ Влияние стиля А. Ветлугина, в частности «бескомпромиссности, остроты <...> выражений, темперамента» (Толстая 2006: 504), исследовательница усматривает и у А. Н. Толстого, который приятельствовал с А. Ветлугиным в Париже и Берлине в 1921–1922 гг. и, по ее мнению, учился «у Ветлугина искусству краткого энергичного

Разница в самопрезентации Бурлюка и Ветлугина была огромной и принципиальной: так, в первые же месяцы по приезде в США М. Н. Бурлюк писала своим корреспондентам: «Много очень интересного, ходим в субботу и воскресенье (детки не учатся) по музеям, театрам, вчера были на Айседоре Дункан, Давид Давидович познакомился с ее мужем Есениным, будет писать его, а с нее наброски» (Деменов 2020: 259). Бурлюк, узнав о приезде Есенина, сразу же приходит к нему в гости, предлагает показать Нью-Йорк; свидетель этого разговора в гостиничном номере Есенина и Дункан характеризует манеру общения Бурлюка как заискивающую, даже назойливую. Предлагая услуги гида, Бурлюк многократно повторял один и тот же вопрос: «Так что же желал бы Сергей Александрович увидеть в своеобразнейшем городе Нью-Йорке?», вызывая явное раздражение собеседника. Свидетелю беседы «не хотелось думать, что поведение поэта объясняется просто возникшей у него личной неприязнью к Бурлюку, что во всем повинна слащавость тона Давида Давидовича, его непомерная настойчивость»; понимая, что «Бурлюк ведет себя очень странно, что он теряет контроль над собой», он искренне жалеет Бурлюка, объясняя увиденное тем, что Бурлюк, «став эмигрантом, уже не был в состоянии разговаривать с гражданином Советской страны как равный с равным» (Мендельсон 1986: 30–31).

Думается, однако, что причина нервозности Бурлюка, скорее, объяснялась тем, что ему не удалось произвести на Есенина желанного впечатления, не удалось заинтересовать его своей личностью, как не удалось и вставить его имя в ряд тех, кому посвящены были его статьи в РГ («Владимир Маяковский (Поэт революции)» – 22 и 29 марта 1923 г.; «Характеристика личности Маяковского и приемы его творчества» – 5 и 19 апреля 1923 г.; «Мое знакомство с Горьким» – 10 и 17 мая 1923 г.; «Ф. И. Шаляпин лично и в анекдотах» – 31 мая и 14 июня 1923 г. и т. д.).

репортажа», способности быть «гораздо более энергичным, проницательным, циничным и жестким, чем раньше» (Толстая 2006: 548).

Между тем А. Ветлугин, по его справедливому замечанию, был «одним из очень и очень немногих, которые знавали Есенина в свете истинной жизни, истинного творчества, а не разглагольствований о рахат-лукумовых “измах”» (Ветлугин 2007: 144) – стрела, явно метящая в имажинизм. Будучи знаком с Есениным еще по Москве, в 1922 г. в Берлине он близко сходится с ним и с А. Кусиковым – настолько близко, что посвящает им обоим свой единственный роман «Записки мерзавца» (1922); настолько близко, что получает приглашение отправиться вместе с Есениным и А. Дункан в США в качестве «спутника» – так назовет его Есенин в своем рассказе об Америке; в качестве секретаря А. Дункан – так аттестовала Ветлугина в мемуарах ее подруга Мэри Дести, сильно преувеличившая возможности Айседоры Дункан:

...боясь, что он <Есенин> чувствует себя одиноким без соотечественников, она наняла в качестве секретарей *двух* его приятелей, тоже нуждающихся поэтов, платя им большие деньги, и даже привезла их в Америку. <...> ...в воскресное утро в октябре 1922 года Айседора и ее муж, поэт, в сопровождении *нескольких* русских секретарей прибыли из Гавра в Америку на лайнере «Париж»¹¹.

Сотрудник Библиотеки Конгресса Авраам Ярмолинский, в 1921 г. издавший вместе с женой, Бабеттой Дейч, антологию новейшей русской поэзии, считал А. Ветлугина нью-йоркским приятелем Есенина, «беллетристом по фамилии Рындзюк», состоявшим «чем-то вроде переводчика при Айседоре, помогая ей объясниться с мужем» (Ярмолинский 2007: 249).

Уже упомянутый Морис Мендельсон характеризовал А. Ветлугина, встреченного им в гостиничном номере Есенина, как человека, выказывавшего отчужденность, не желавшего общаться с посетителями поэта, упорно и недружелюбно молчавшего. После известного скандала с антисемитским привкусом в гостях у поэта

---

¹¹ Дести М. Нерассказанная история (Айседора Дункан и Есенин). – <http://esenin-lit.ru/esenin/vospominaniya/desti-dunkan-i-esenin/ajsedora-pokazyvaet-eseninu-mir.htm?ysclid=m13uri6s9p480747783>; курсив наш.

Мани-Лейба Есенин пишет письмо с извинениями и просит: «Поговорите с Ветлугиным, он Вам больше расскажет» (Есенин 1980: 136), что, конечно же, свидетельствует о высокой степени доверия.

И тогда, в 1922 г., и в 1950-м, которым датированы воспоминания Ярмолинского, о Ветлугине было известно очень немного. Сегодня мы знаем о нем значительно больше – перед нами предстает, хотя и со значительными лакунами, одна из удачных эмигрантских судеб, одна из самых серьезных карьер в русской эмигрантской среде; правда, за пределами русской культуры¹².

Сотрудничество с Давидом Бурлюком, признание заслуг зачинателя футуризма, совместные выступления не переросли в дружбу. Свою роль в этом сыграла, конечно, и разница в возрасте в 15 лет, но не только она. Соревновательность с Ветлугиным в РГ остро ощущалась Бурлюком и в октябре 1925 г., незадолго до ухода Ветлугина из газеты, неожиданно вылилась в полемику. В своем

---

¹² Однако, едва заходит речь о Есенине, и сегодня Ветлугин нередко рисуется его злым гением: в книге Валентины Пашиной «Неизвестный Есенин» (2001) Ветлугину уделена целая глава, в которой совершенно безосновательно утверждается, что он был осведомителем (чьим – непонятно), что годы его жизни 1897 – после 1946 (при том, что он умер в 1953 г.), что «сведений о нем мало – писатель, эмигрант. Зато много нареканий в его адрес, начиная с того, что в переводчики он никак не годился, потому что сам плохо знал английский. Эту сплетню пустил Дон Аминадо (так пишет Елена Толстая). Судя по названиям его книг, большевиков не любил» (Пашиная 2007: 285). Далее приводятся высказывания о Ветлугине Троцкого, Бунина, Яценко, что должно было бы навести автора книги на мысль о значимости этого персонажа, но В. Пашиной важнее данные, представленные редактором петербургской газеты «Милицейские ведомости», почерпнутые из чужих исследований без каких бы то ни было отсылок и сносок, что приводит ее к выводу: «Короче говоря, ему было все равно кому служить, лишь бы хорошо платили. Об этом Ветлугин весьма откровенно сообщает Есенину 6 октября 1923 года: “Быть Рокфеллером значительнее и искреннее, чем Достоевским, Есениным <...> Мне мое имя – строка из паспорта, тебе – надпись на монументе”» (Там же: 286). Дело, однако, не в «откровенности» Ветлугина, но в осознанном выборе жизненной позиции, что подчеркнуто определением «значительнее и искреннее», резко контрастирующим с представлением Пашиной о всеядности и продажности А. Ветлугина. Так что наивное обращение к читателям в предисловии: «Хочу уверить моего читателя: в этой книге нет ни одного непроверенного факта» (Там же: 7) – не оправдывается, хотя, возможно, этого не заметил «первый читатель» В. Пашиной: «<...> могу с гордостью сказать, что сыктывкарские работники службы государственной безопасности стали первыми читателями рукописи “Неизвестный Есенин”. / В. Пашиная, / Март 2001 г.» (Там же: 580).

дневнике Бурлюк подготавливает к публикации черновик статьи, сводя воедино обстоятельства полемики, цитируя оппонента, приводя мнения читателей. На первый взгляд, предмет полемики отнюдь не первой значимости – речь идет о спорте, который Бурлюк характеризует как «пресловутый американский спорт»¹³.

Итак, летом 1925 г. Бурлюк упоминает в дневнике, что написал «в ряду своих заметок об американской жизни несколько фельетонов об американских нравах. Писал их искренне, писал, как говорится, “с натуры”, то, что видел. “Почти” неожиданно Ветлугин обрушился на меня, обвиняя меня в том, что де Бурлюк пишет так мрачно об американских нравах – потому первое: “что он новичек в Америке” <орфография оригинала. – И. Б.>»¹⁴.

Второе: «что Бурлюк обнаруживает интеллигентскую точку зрения (по мнению Ветлугина, постыдную (?)- <пунктуация оригинала. – И. Б.>»¹⁵.

Возражая коллеге, Бурлюк предлагает любопытную классификацию «физиономии взглядов»:

Я знаю три таковых наиболее определенных нашего времени: буржуазную, интеллигентскую и рабочую-пролетарскую.

Моя точка зрения – находится (вероятно) как раз посередине между двумя последними характеристиками¹⁶.

Зато у Ветлугина «физиономия» взглядов «явно чуждых (конечно) пролетарской идеологии»¹⁷. Эта атака скрашена признанием заслуг

---

¹³ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Стоит упомянуть, что в США Бурлюк примыкал к просоветски ориентированным группам, и можно предположить, что, написав поэму к 10-летию Октябрьской революции (характерно, что три названия, данные автором поэме на обложке книги, – «Ленин», «Апофеоз Октября» и «Поэма к десятилетию республики Советов», привели к тому, что до сих пор в статьях и книгах она фигурирует двояким образом – то как «Апофеоз Октября», то как «Десятый Октябрь»), Бурлюк стремился не только утвердиться в качестве одной из ведущих фигур русского футуризма, но и уравнивать себя с Маяковским, автором поэмы «Хорошо!», написанной к тому же юбилею революции.

оппонента как «автора остроумных и едких фельетонов, проникнутых огромным знанием жизни»¹⁸.

По словам Бурлюка, спор идет о пользе «для нас, тружеников», спорта. Между тем его возражения Ветлугину проникнуты яростной ненавистью к состоятельному классу, «кучке дармоедов-богачей», на которых, по его мнению, и рассчитан американский спорт:

Пойдите, Ветлугин, в Джером Парк, посмотрите, как все полянки заняты гольфом богачей, а бедноте отведены скудные крохи зеленой (вытопанной уже) травки...

А знаменитые бейсболлы!

А боксы?¹⁹

Начав говорить о спорте, Бурлюк сворачивает на путь революционных преобразований, от которого далека Америка с ее культом здорового образа жизни и молодости: «Спорт нужен, необходим, но раньше дайте сносные условия существования. Обеспечьте приличной заработной платой тружеников, устранили безработицы, организуйте жизнь!»²⁰

Кому бы ни был адресован этот призыв, Бурлюк словно охвачен речевым возбуждением, сопоставляет несопоставимое, безрассудно контаминирует спорт и политику, спорт и шоу, спорт и казни в античном Риме:

Но против бокса, против боя быков, так же как против бывших недавно нероновских живых факелов – каждый культурный человек обязан выступить с безусловным осуждением, во имя

При этом поэма Бурлюка в своей поверхностной реалистичности и «дурном символизме» (термин Н. А. Бердяева) далека от футуризма, о чем можно судить хотя бы по ее началу: «Слева выходит группа рабочих и крестьян в русских костюмах. Они идут перед занавесом навстречу Миру. Молодой могучий рабочий держит на блюде “Каравай Москвы” <своего рода прообраз «сахарного Кремля» Вл. Сорокина. – И. Б.>. ХОР РАБОЧИХ торжественно поет: На липово-узорном блюде / Снегами лег Октябрьский плат. / Чьи торжеством не смяты груди? / Всяк восхищенья морем взят! // Встречаем по старинке – с хлебом / Москвы разлежся каравай» (Бурлюк 1928: 5).

¹⁸ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

тех высоких идеалов, вечных и не зыблемых – гуманности, справедливости и добра – к коим жизнь уже приближается, ради которых борются рабочие массы, ради которых развивают свои кровавые флаги революции²¹.

На первый взгляд, тирада выстроена по всем законам «правила трех», однако к спорту отношение имеет только бокс, который не только не вызывал раздражения, но, напротив, был одним из самых популярных видов спорта²². Бой быков считается искусством, а недавние «живые факелы Нерона», то есть мучительные казни христиан, происходили в 64 г. н. э. и заведомо не имели никакого отношения к спорту. Утратив логическую связь между означаемым и означающим, Бурлюк приходит к утверждению, которое Ветлугина не могло не ужаснуть (хотя, возможно, в силу его циничного характера – рассмешить): оправдание кровавых революций, признание, что они происходят во имя идеалов гуманности, справедливости и добра.

Месяц спустя, 29 октября 1925 г., Бурлюк подводит итог полемики, скорее напоминающей его страстный монолог, пересказывая и цитируя четыре ожидаемых мнения «читательской массы»: то, что защищает Ветлугин, – «позорный акт, с которым будет расплачиваться будущее поколение <Америки>»; «Америка хороша для тех, кто влюблен в доллар»; физические упражнения бесполезны без соблюдения гигиены; особо выделено мнение некоего М. Мамаева: «Бурлюк прав», а не прав Ветлугин, впадающий в восторг перед торговлей, которая есть обман и пользы не принесет, «ибо Толстой – не торговал, Пушкин – не торговал»²³.

Наивно-провинциальный характер аргументов Бурлюка был направлен, прежде всего, против «американизма» Ветлугина во всех ипостасях – и против его воодушевленного пристрастия Америки, и против его вживания в американскую действительность. И от того,

---

²¹ Там же.

²² Возможно, инвектива по поводу бокса также была частью полемики с А. Ветлугиным, блестяще описавшим в романе «Записки мерзавца» поединок француза Жоржа Карпантье и американца Джека Демпси, состоявшийся в 1921 г.

²³ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

и от другого Бурлюк был одинаково далек, судя по дневникам и статьям, «своим» в Америке он так и не стал, хотя к началу 1960-х гг. снискал успех как художник. В конце 1940 г. он подал в советское посольство заявление о принятии его семьи в советское подданство; в письмах, синхронно с этим заявлением посланных советским друзьям, он написал подходящие строки о том, что в Америке, Японии и Сибири оставался преданным делу Ленина – Сталина (см.: Деменок 2020: 284). Ко времени «полемики» с Ветлугиным в начале и середине 1920-х гг. он менее всего был готов к адаптации в американское общество, оказавшись в США, по его собственным словам, без денег, знакомств и языка.

Неслучайно в этом плане окончание полемики, также подчеркивавшее приверженность Бурлюка советским этическим и культурным ценностям: «Из всего этого мной был сделан вывод, неоднократно поддержанный и до и после всей практикой, жизнью <sic!> нашей родины Сов. России, что нам русским нужна, годится Америка техники, Америка усовершенствований – но не та Америка, апогеем которой является знаменитый “белый путь Бродвея”²⁴, на который так часто натывается талантливое перо моего сотрудника по газете, теперешнего соперника по дискуссии»²⁵.

---

²⁴ Театральный район улицы Бродвей в Нью-Йорке, охватывающий территорию между 42-й и 53-й улицами и включающий также Таймс-сквер. Общим местом стала характеристика Бродвея Э. А. По, опубликованная в “Broadway Journal” (1845. No 1): “Broadway is confessedly the finest street in the first city of the New World. It is the great artery through which flows the best blood of our system. All the elegance of our continent permeates through it. If there is a handsome equipage set up, its first appearance is made in Broadway. The most elegant shops in the City line its sides; the finest buildings are found there, and all fashions exhibit their first gloss upon its sidewalks. <...> <E>very exhibition of art is found here, and the largest caravanseries in the world border upon it [«Бродвей, по общему признанию, – самая шикарная улица в первом городе Нового Света. Это большая артерия, по которой течет лучшая кровь нашей системы. Все, что есть на нашем континенте изысканного, пронизывает ее насквозь. Как только сооружают красивый экипаж, он первым делом появляется на Бродвее. Вдоль него расположены самые элегантные магазины города, здесь находятся самые роскошные здания, и все веяния моды первыми вмещают его тротуары. <...> Здесь устраиваются лучшие выставки, сюда прибывают караваны со всего света»; перевод мой. – И. Б.]” ([Poe] 1845: 1).

²⁵ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

Бурлюк, конечно, не мог предвидеть, что его «соперник по дискуссии» станет известной персоной в американской англоязычной журналистике и кинематографе, так что «великий белый путь» для А. Ветлугина – рабочая площадка. В очерке «Всего-то пять кварталов» (“Only 5 Short Blocks”) он описывает случайную встречу в Нью-Йорке с Шаляпиным в самом начале 1920-х гг., которая стала для него «уроком искусства жить»²⁶ и которая началась именно на «великом белом пути»: «Однажды на 42-й улице я наткнулся на огромного блондина. Я сразу узнал его – Федор Шаляпин, великий русский певец» (Белобровцева, Устинов 2022: 180).

Бурлюк закончил полемику очередным вариантом самоутверждения:

Я уверен, что Ветлугин поймет меня и не будет в претензии за правду, может быть, за излишнюю прямоthu... в споре допустимую...

Разногласие и спор – это и есть жизнь, реальная, от болота далекая.

Истина – дороже самолюбий²⁷.

По всей видимости, последняя фраза должна была подчеркнуть, что истина, без всякого сомнения, на его стороне. Ветлугина полемика оставила равнодушным. Свое кредо, как уже сказано выше, он сформулировал в письме к Есенину за два года до этого события, объясняя адресату коренные различия их жизнепонимания. Обычно из этого письма цитируют лишь одну фразу: «Мне мое имя – строка из паспорта, тебе – надпись на монументах. Мою смерть отметят в приходе-расходной книге крематория, твоя воспламенит Когана, если он тебя переживет (а “он” всех переживет)» (Вдовин 1977: 234).

В письме «я» и «ты» противопоставлены многократно: Есенин остался в революции – Ветлугин уже «на отмели времен»; Есенин уехал в Москву («творчество»), Ветлугин едет в Америку, «перестав

---

²⁶ Об этой встрече см.: Белобровцева, Устинов 2022: 174–190.

²⁷ Бурлюк Д. Фельетоны, статьи, заметки: 1920–1930-е годы. – Архивный фонд Д. Д. Бурлюка в ОР РГБ. Ф. 372. К. 3. Ед. хр. 8. Л. 4–11.

играть с самим собой» на фоне «выштукатуренного фасада – Искусства (и с большого и с малого “И”))» (Там же). Есенина он считает «подлинно скифом», а свою будущую жизнь видит в единственной реальности «вкусовых и зрительных ощущений» (Там же). Ветлугин со свойственными ему глубоким пониманием человека и безукоризненным чувством стиля определяет Есенина так, словно предсказывает его будущую смерть: «тебя ужаснул...», «Ты весь из междометий», «Ты потрясен и оскорблен ложью мира» (Там же). При этом собственный портрет он подбирает из прямо противоположных характеристик: он закрытый человек, предпочитающий «официальную вежливость» тесному общению и «кроткую фальшь <...> бурной правде» (Там же). К своим 26 годам А. Ветлугин прожил целую жизнь: революция, выживание в условиях распада и каждодневной смертельной опасности, участие в Гражданской войне и ее осмысление в четырех книгах, заставивших говорить о нем и в русском зарубежье, и в Советской России, наконец, эмиграция со сменой континента.

Ему, в отличие от советского литературоведа, на основании ветлугинского письма писавшего об «отвращении Есенина к беспринципности западных буржуазных журналистов, “литературной шати”»²⁸ (Вдовин 1977: 235), ясна была одноприродность любых идеологических конструкторов – неслучайно поименованный вначале П. С. Коган превращается в собирательное «он». И в данном случае предвидение Ветлугина о будущей бурной реакции Когана на смерть Есенина оправдалось: спустя три дня после смерти поэта он опубликовал статью «Есенин» в «Вечерней Москве», выступил на вечере памяти Есенина в Доме печати; в январе 1926 г. появилась статья Когана «Есенин» в «Информационном бюллетене Всесоюзного общества культурных связей с заграницей» (1926. № 2. 14 января); в февральском номере журнала «Печать и революция» (1926. № 2) – его статья «Памяти Есенина».

---

²⁸ Эти почти рефлекторные нападки на Запад и представителей западной культуры, характерные для советских литературоведов и критиков 1970-х гг., дезавуируются названием единственного имени высокопоставленного советского чиновника от литературы – П. С. Когана.

Отказываясь от любой идеологии, Ветлугин отдавал предпочтение собственному переживанию жизни, ее гедонистическому началу, которое отнюдь не исключает этической составляющей.

Собственно, полемика Бурлюка с Ветлугиным во многом повторяет обозначенные А. Ветлугиным контрасты между ним и Есениным: готовность младшего коллеги наслаждаться жизнью, физическими ощущениями, искусством резко контрастировала с постоянной оглядкой Давида Бурлюка на Советскую Россию и Советский Союз, с тем, что он мерял «на столетия» и проходил «мимо дней». Это высказанное в письме Есенину сожаление Ветлугин вполне мог повторить и в адрес Бурлюка, если бы «полемика» была двусторонней. В сущности, такой не вызывающий особых страстей предмет, как массовый спорт, мог стать предметом полемики именно как демонстрация принадлежности двух сотрудников газеты РГ к разным типам эмигрантов: если Ветлугин был готов, и эту готовность реализовал достаточно быстро, к интеграции в социальную, политическую, культурную область американского общества, то Бурлюку предстоял долгий путь адаптации.

Думается, полное понимание того, что он так и не стал «своим» в Америке, но перестал им быть в СССР, пришло к нему и его жене во время их второго, в 1965 г., приезда в СССР, когда ему отказались отдать ранние работы в обмен на новые, прочли нотацию о том, что он когда-то бросил родину, а затем официальные представители МИДа предложили остаться в СССР, где чете Бурлюков будут предоставлены лучшие условия жизни.

По словам мемуариста, в аэропорту Шереметьево Мария Никифоровна сказала:

– В жизни мы сделали много ошибок. Одна из самых больших – наш второй приезд в Россию. На родине Бурлюка не любят и не понимают. На протяжении десятилетий наши слезы по России были напрасными.

Давид Бурлюк слышал, что сказала его жена. Он добавил:

– Наш плач по России был неоправданным... (Гендлин 1986: 222)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антипина З. С., Подлубнова Ю. С. 2019. Футуристический привет! Гости футуристов на Урале: 1917–1918 гг. – Язык. Текст. Книга: Материалы II Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 25 апреля 2019 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 5–11.
- Белобровцева И. З., Устинов А. Б. 2022. Прогулка с Шаляпиным: К «американской биографии» А. Ветлугина. – *Slavica Revalensia*. Vol. IX. Tallinn: TLÜ Kirjastus. С. 174–190.
- Бурлюк Д. 1924. Стихи. Картины. Автобиография. Бурлюк пожимает руку Вульворт Бильдингу: К 25-летию художественно-литературной деятельности (Стихи 1898 г. – 1923 г.). Нью-Йорк: Издание Кооператива Газеты «Русский Голос».
- Бурлюк Д. 1928. Десятый Октябрь. Нью-Йорк: Издание Марины Никифоровны Бурлюк.
- Бурлюк Д. 1930. Энтелехизм: Теория. Критика. Стихи. Картины (1907–1930). Нью-Йорк: Издание Марии Никифоровны Бурлюк.
- Вдовин В. 1977. Письма к Сергею Есенину. – *Вопросы литературы*. № 6. С. 233–248.
- Ветлугин А. 1924. Ветлугин о Бурлюке. – *Свирель собвея: 1-ый Кооперативный Сборник. Проза, стихи, картины*. Нью-Йорк: [Б. и.]. С. 25–26.
- Ветлугин А. 2007. Воспоминания о Есенине. – *Русское зарубежье о Сергее Есенине*. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. С. 144–153.
- Гендлин Л. 1986. Перебирая старые блокноты. Амстердам: Геликон.
- Деменок Е. 2020. Давид Бурлюк: Инстинкт эстетического самосохранения. М.: Молодая гвардия.
- Есенин С. 1980. [Письмо М. Л. Брагинскому от конца января 1923 г.]. – *Есенин С. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 6*. М.: Художественная литература. С. 135–136.
- Маяковский В. В. 1957. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. Т. 6: 1924 – первая половина 1925. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Мендельсон М. О. 1986. Встречи с Есениным. – *С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х тт. Т. 2*. М.: Художественная литература. С. 24–34.
- Пашинина В. С. 2007. Неизвестный Есенин: Литературно-историческое исследование. 3-е изд., дополненное и переработанное. Киев: Фирма «Деркул».

- Седых А. 1979. Далекие, близкие. Нью-Йорк: Издание «Нового Русского Слова».
- Толстая Е. Д. 2006. «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: РГГУ.
- Толстой А. 1958. Эмигранты. – Толстой А. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 4: Повести и рассказы (1925–1928). Гиперболоид инженера Гарина. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 223–515.
- Толстой А. 1961. О Париже. – Толстой А. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 10: Статьи, выступления, письма, очерки. Рассказы Ивана Сударева. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 45–50.
- Устинов А. 2016. Биография как сюжет: «Американская мечта» А. Ветлугина. – Сюжетология и сюжетография. № 2. С. 224–239.
- Хлестов Н. И. 1968. Памятные годы. – Маяковский в воспоминаниях родных и друзей. М.: Московский рабочий. С. 84–105.
- Ярмолинский А. 2007. Есенин в Нью-Йорке. – Русское зарубежье о Сергее Есенине. М.: ТЕРРА – Книжный клуб. С. 247–253.
- Dreier, K. S. 1944. *Burliuk / Foreword by Duncan Philips*. New York: The Société Anonyme; Color and Rhyme.
- [Poe, E. A.] 1845. Introductory. – *The Broadway Journal* (New York). Vol. 1. No 1. January 4. P. 1.

REFERENCES

- Antipina, Z. S. and Iu. S. Podlubnova. “Futuristicheskii privet! Gastroli futuristov na Urale: 1917–1918 gg.” In *Iazyk. Tekst. Kniga: Materialy 2 Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ekaterinburg, 25 apreliia 2019 g.)*, 5–11. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2019.
- Belobrovtsseva, I. Z. and A. B. Ustinov. “Progulka s Shaliapinyim: K ‘amerikanskoi biografii’ A. Vetlugina.” *Slavica Revalensia* 9 (2022): 174–90.
- Burliuk, D. *Stikhi. Kartiny. Avtobiografiia. Burliuk pozhimaet ruku Woolworth'u Bilding'u: K 25-letiiu khudozhestvenno-literaturnoi deiatel'nosti (stikhi 1898 g. – 1923 g.)*. New York: Izdanie Kooperativa Gazety “Russkii Golos,” 1924.
- . *Desiatyi Oktiabr'*. New York: Izdanie Mariny Nikiforovny Burliuk, 1928.
- . *Entelechism: Teoriia. Kritika. Stikhi. Kartiny (1907–1930)*. New York: Izdanie Marii Nikiforovny Burliuk, 1930.
- Demenok, E. *David Burliuk: Instinkt esteticheskogo samosokhraneniia*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2020.

- Dreier, K. S. *Burliuk*. Foreword by Duncan Philips. New York: The Société Anonyme; Color and Rhyme, 1944.
- Esenin, S. “[Letter to M. L. Braginskii from the end of January, 1923].” In *Sobranie sochinenii*. 6 vols. Vol. 6, 135–36. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1980.
- Gendlin, L. *Perebiraia starye bloknoty*. Amsterdam: Helicon, 1986.
- Iarmolinskii, A. “Esenin v New York’e.” In *Russkoe zarubezh’e o Sergee Esenine*, 247–53. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub, 2007.
- Khlestov, N. I. “Pamiatnye gody.” In *Maiakovskii v vospominaniakh rodnikh i druzei*, 84–105. Moscow: Moskovskii rabochii, 1968.
- Maiakovskii, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. 13 vols. Vol. 6, 1924 – *pervaia polovina* 1925. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury, 1957.
- Mendel’son, M. O. “Vstrechi s Eseninym.” In *S. A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov*. 2 vols. Vol. 2, 24–34. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986.
- Pashinina, V. S. *Neizvestnyi Esenin: Literaturno-istoricheskoe issledovanie*. 3rd rev. and exp. ed. Kyiv: Firma “Derkul,” 2007.
- [Poe, E. A.] “Introductory.” *The Broadway Journal*. January 4, 1845.
- Tolstaia, E. D. “*Degot’ ili med*”: *Aleksei N. Tolstoi kak neizvestnyi pisatel’ (1917–1923)*. Moscow: RGGU, 2006.
- Tolstoi, A. *Emigranty*. In *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 4, *Povesti i rasskazy (1925–1928)*. *Giperboloid inzhenera Garina*, 223–515. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury, 1958.
- . “O Parizhe.” In *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 10, *Stat’i, vystupleniia, pis’ma, ocherki. Rasskazy Ivana Sudareva*, 45–50. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury, 1961.
- Ustinov, A. “Biografiia kak siuzhet: ‘Amerikanskaia mechta’ A. Vetlugina.” *Siuzhetologii i siuzhetografiia* 2 (2016): 224–39.
- Vdovin, V. “Pis’ma k Sergeiu Eseninu.” *Voprosy literatury* 6 (1977): 233–48.
- Vetlugin, A. “Vetlugin o Burliuke.” In *Svirel’ sobveia: 1-yi Kooperativnyi Sbornik. Proza, stikhi, kartiny*, 25–26. New York: n. p., 1924.
- . “Vospominaniia o Esenine.” In *Russkoe zarubezh’e o Sergee Esenine*, 144–53. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub, 2007.